

ЖЕНЩИНА В ОБЩЕСТВЕ

Н.М. СТЕПАНОВА

**Опыт использования гендерных квот
в странах Западной Европы**

Отставание женщин от мужчин в странах Западной Европы по уровню представительства в руководстве политических партий, в органах законодательной и исполнительной власти на местном, региональном и национальном уровнях - явление историческое¹. В большинстве из них женщины получили право участвовать во всеобщих парламентских выборах и избираться депутатами парламентов намного позднее, чем мужчины. Так, в Великобритании в массовом порядке мужчины были допущены к избирательным урнам в 1867 году, тогда как женщины (только с 30 лет) - в 1918 году. Лишь в 1928 году они были уравнены с избирателями-мужчинами по возрасту, получив разрешение голосовать с 21 года. В 1919 году первая женщина - леди Астор - стала депутатом британского парламента, насчитывающего не одну сотню лет.

Подъем в Европе в конце XIX - начале XX века феминистского движения, основным требованием которого было предоставление женщинам права голоса, не сопровождался созданием самостоятельных женских политических партий. А там, где они все же возникали (как в Британии после реформы 1918 года), их судьба оказывалась кратковременной. В странах с устоявшейся партийной системой политическая активность женщин направлялась

в русло уже сложившихся партий, в которых им разрешалось быть индивидуальными членами местных организаций и одновременно вступать по своему желанию в женские секции. Последние имели собственную структуру управления, параллельную "мужской" пирамиде власти в партиях. Обычно их деятельность была замкнута на самих себя и не оказывала влияния на выработку партийной политики или же на продвижение женщин на выборные должности за пределами женских секций. На протяжении не одного десятилетия после получения женщинами права голоса партии на уровне своих руководящих эшелонов, вплоть до парламентских фракций, продолжали оставаться мужскими клубами, а женщины рассматривались в основном как "пехота политических битв".

И лишь вторая волна феминизма, захлестнувшая страны Запада в 1970-1980-е годы, остро поставила вопрос о необходимости полноправного участия женщин как в партийных руководящих органах, так и во властных структурах в масштабах всего общества. В обстановке широкого подъема женского движения и принятия в ряде стран специального законодательства о равноправии женщин партии, электоральная судьба которых зависит от голосования женщин, составляющих во многих странах более половины всех избирателей, начали менять свое отношение к проблеме "женщины и власть". Прежде всего это проявилось на декларативном уровне. Призывы ликвидировать или хотя бы уменьшить на первых порах вопиющее неравноправие женщин в органах общественного и государственного управления зазвучали в выступлениях лидеров партий, в партийных документах, манифестах и программах.

¹ О ситуации с женским политическим представительством в России и перспективах исправления гендерного неравенства в российском контексте см. [1].

Следующий, более высокий уровень поощрения женского участия со стороны партий - "позитивные действия", к которым относятся побуждение самих женщин выставить свои кандидатуры при выборах на руководящие должности, организация финансовой помощи женщинам-кандидатам, проведение специальных курсов, семинаров, конференций для женщин, проявивших желание разделить с мужчинами властные функции. Не секрет, что зачастую у женщин сохраняются психологические комплексы, мешающие им активно заняться политической деятельностью. Многим из них не хватает опыта управления, который мужчинами приобретается в процессе их профессиональной деятельности или же в ходе участия во власти на местном уровне.

И наконец, третий уровень - политика "позитивной дискриминации", имеющая наиболее радикальный характер. Ее инструментом стали гендерные квоты - минимальные количественные нормы участия во властных структурах, применимые в принципе к обоим полам. Обычно они устанавливались партиями на уровне от 10% до 50%. Поскольку доля мужчин в разнообразных органах управления на стартовой ситуации для большинства стран превышает 90%, позитивная дискриминация используется прежде всего для восстановления ущемленных женских прав. В основном она рассматривается как вынужденная временная мера, рассчитанная на быстрое устранение "исторической несправедливости" в отношении женщин.

В большинстве случаев гендерные квоты оставались на уровне рекомендаций и целевых установок, взятых на вооружение партиями. И лишь в немногих странах они получили законодательное оформление. Возможность и время принятия мер позитивной дискриминации в разных странах варьируются. Это зависит от их политической культуры, особенностей партийно-политических систем и государственного устройства, социально-экономической ситуации, размаха самого женского движения и степени поддержки его требований обществом. В некоторых странах, как, например, США, где центральные партийные организации традиционно слабы, а кандидаты в законодательные органы отбираются самими избирателями в ходе "первичных" выборов, гендерное квотирование не использовалось, хотя и там были найдены подходящие методы поощрения женского участия.

Инициаторами гендерного квотирования выступили социал-демократические, социалистические и зеленые партии, которые по своей идеологии и партийной организации оказались более приспособленными к реализации политики позитивной дискриминации. Причем решающую роль в принятии и осуществлении соответствующих партийных документов сыграли нажим и контроль со стороны самих женщин. Партии консервативные и христианско-демократические выступали в большинстве случаев противниками позитивной дискриминации, рассматривая ее как покушение на право местных организаций делать свободный выбор на стадии выдвижения кандидатов, а также как угрозу снижения высокого профессионального уровня парламентариев. Правда, в последнее время центристские и правые партии в ряде стран начинают менять свой гендерный подход.

Считается, что пропорциональные избирательные системы, при которых выборы осуществляются по партийным спискам кандидатов, более благоприятны для продвижения женщин в члены парламента, чем системы мажоритарные, когда в каждом округе от каждой партии предлагается лишь один кандидат. В последнем случае местные отборочные комитеты часто колеблются, выдвигать ли им женскую кандидатуру, опасаясь, что это связано с риском потери места. И, напротив, при составлении списка кандидатов партии, стремясь произвести благоприятное впечатление на женский электорат в целом, заинтересованы в том, чтобы оба пола были представлены более равномерно. Не случайно страны с пропорциональной системой представительства опережают страны с другим типом избирательных систем по числу женщин, избранных в законодательные органы. Однако связь между характером избирательной системы и продвижением женщин наверх неоднозначна. Улучшение позиций женщин во власти возможно и в рамках мажоритарной системы при наличии прочих важных условий.

Наиболее известный пример успешного использования гендерных квот для широкого включения женщин во властные структуры дают страны Скандинавии. Впервые вопрос о гендерном квотировании в политических процедурах был поставлен на повестку дня шведскими социал-демократами в конце 1960-х годов. В 1970-1980-е годы оно прочно вошло в политическую практику Швеции, Норвегии, Финляндии. Характерная особенность этого региона - комплексное решение "женского вопроса" - поднятие политического статуса женщин одновременно с поднятием их статуса на производстве, в семье и в обществе в целом. В Скандинавии не только были приняты государственные законы о равноправии полов, но и созданы специальные комитеты, комиссии, министерства по наблюдению за

эффективным проведением в жизнь принципа равных возможностей во всех общественных сферах, включая политику. В Норвегии и Дании были приняты законы, регулирующие соотношение полов во всех государственных учреждениях. Закон норвежского парламента

о равном статусе (1978 год) имел уникальный характер, так как в отличие от подобного законодательства в других странах не являлся гендерно нейтральным. В нем провозглашалось, что для ликвидации неравенства между полами необходимо принятие особых мер, которые давали бы преимуществу женщинам перед численно превосходящими их на руководящих позициях мужчинами, т.е. признавалась законность позитивной дискриминации.

Следует отметить, что в Скандинавии женщины уже играли более заметную роль в политике, чем в других европейских странах, еще до того, как начали применяться квоты. Финляндия была первой страной Европы, в которой женщины в 1906 году получили право

не только голосовать, но и быть избранными в парламент наравне с мужчинами. В результате выборов 1907 года женщины составили 10% депутатов финского парламента [2, с. 25]. В Швеции первые женщины были избраны в парламент в 1921 году. В Норвегии на протяжении длительного периода представительство женщин во властных структурах было заметно более высоким по сравнению с другими западноевропейскими странами. Перемены

к лучшему в женском политическом участии в Скандинавии все же происходили медленно,

и лишь введение специальных механизмов, регулирующих соотношение полов в политических учреждениях, привело к быстрому результату. Большую роль сыграл решительный настрой самих скандинавских феминисток, добивавшихся коренного перелома в идеологии, социальных и политических институтах общества с учетом интересов, ценностей и предпочтений женщин. "Мы не хотим получить только кусок пирога. Мы хотим изменить основной рецепт его приготовления", - заявила одна норвежская феминистка [3].

Швеция относится к немногим странам, где принятая социал-демократами рекомендательная установка о том, что представительство каждого пола в органах управления не должно составлять менее 40%, была почти сразу же взята на вооружение также правыми и центристскими партиями, конкурировавшими с ними в борьбе за власть. Иначе обстояло дело в Норвегии. Там минимальные квоты в 40%, одобренные в 1975 году социалистической левой партией, в 1981-1983 годах были поддержаны рабочей партией, в 1989 году - партией центра. Норвежские консерваторы до последнего времени отвергали "регулирование" гендерного состава кандидатов в члены парламента, а христианская народная партия "откладывала" вопрос о квотах [4, с. 321, 236].

В результате политики наибольшего благоприятствования в отношении женщин в Скандинавии резко выросла их доля в руководстве партиями, в парламентах, правительствах, органах местного управления. Это был "большой скачок" скандинавских женщин к власти, о котором в то время не могли даже и мечтать женщины других стран Запада.

В Швеции к концу 1980-х годов доля женщин в руководящих органах регионального и национального уровней подошла к 40%, тогда как в начале 1970-х годов она составляла 14-15%. В парламенте она достигла 38%, в кабинете министров примерно 30% [4, с. 263, 274,

275]. В Норвегии с мая 1986 года, когда было сформировано новое социал-демократическое правительство во главе с фру Брунтланд, каждый кабинет министров включал не менее 42% женщин [2, с. 35]. Зачастую им поручались наиболее престижные портфели - министров иностранных дел, финансов, юстиции. Характерно, что после того как социал-демократы дважды - в конце 1980-х годов и в 1996 году - теряли власть и Брунтланд заменяли мужчины

на посту премьер-министра, количество женщин-министров в правительстве даже несколько возрастало. Это свидетельствует о необратимом характере произошедших перемен.

Тем не менее скандинавский опыт ясно показывает, что для удержания достигнутого высокого уровня участия женщин во власти и его дальнейшего повышения ключевым фактором является наличие сильного женского движения. Так, в Швеции накануне парламентских выборов 1994 года активизировавшиеся женские группы поставили на повестку дня вопрос о создании женской политической партии в случае, если сложившиеся партии не стали бы учитывать в своих программах и манифестах требования женщин и не включили бы достаточное количество женских имен в избирательные списки. Опросы общественного мнения показали, что 40% опрошенных были готовы "подумать" относительно того, чтобы поддержать на выборах женскую партию. В итоге женская партия так и не была создана, поскольку реакция на эту "угрозу" крупных политических партий (за исключением консерваторов) была достаточно оперативной. В частности, ими были приняты избирательные списки, в которых имена кандидатов - мужчин и женщин - строго чередуются [5]. Применение списков на выборах 1994 года привело к росту женского представительства в

парламенте до 44%, причем доля женщин в парламентских фракциях трех политических партий — левой, зеленой и социал-демократической, была еще более высокой. Одновременно в состав кабинета министров Швеции было назначено рекордное число женщин - 50%. Во многих властных структурах местного и регионального уровня женщины получили от 40% до 50% мест, а также посты мэров и глав местных администраций [2, с. 20].

Финские женщины-депутаты парламента в 1994 году во время обсуждения изменений в Законе о равенстве, связанных с вступлением страны в Европейский Союз, предложили ввести в закон принцип квот, которое было поддержано. Согласно этому принципу представительство мужчин и женщин во всех властных структурах не должно быть меньше 40%. Однако, как и в большинстве других стран, квоты не распространялись на профсоюзы, организации предпринимателей и частные компании [2, с. 25].

В последние годы женщины Скандинавии, опираясь на уже достигнутые успехи в завоевании партнерства с мужчинами в процессе управления, поднимают программу своих требований на еще более высокую ступень. Так, выступление представительницы Швеции, где женщины составляют половину министров, на конференции женщин стран Прибалтики в Любеке в 1997 году было озаглавлено "50%, а что же дальше?". В нем ставился вопрос о том, чтобы не только удержать взятые рубежи, но и распространить женское участие на многие другие позиции власти в обществе, включая бизнес, объединения предпринимателей, университеты, сотни неофициальных, но играющих большую роль в управлении групп и комитетов. Важно, что осуществить эти задачи шведские женщины намерены не в привооборстве с мужчинами, а заключая союзы с ними [2, с. 20, 21].

В отличие от скандинавских стран гендерные квоты, принятые в 1970-е годы социалистической партией Франции, никогда не соблюдались ни на местном, ни на национальном уровнях, за исключением выборов в Европейский парламент. В результате количественные показатели женского участия в избираемых органах в соцпартии мало чем отличались от соответствующих показателей в правых партиях, где квоты не были введены. В последнее время во Франции интерес к повышению женского представительства в политических органах начал возрастать, в том числе в правых партиях.

В Германии в 1980-е годы почти все политические партии одобрили целевые установки на увеличение участия женщин в законодательных органах, а социал-демократическая партия приняла временные квоты на уровне 40%, подчеркнув, что после приобретения женщинами политического опыта квоты должны быть отменены. В результате целенаправленных усилий доля женщин в бундестаге возросла с 10% в 1983 году до 20% в 1990 году. Выборы в бундестаг в 1990 году были первыми, когда квоты активно соблюдались при выдвижении кандидатов. В 1997 году доля женщин в парламенте Германии поднялась до 26,6%, а в правительстве они составляли 12,5% министров [2, с. 79].

Вызывает интерес положительный опыт поощрения женского представительства в руководстве партий, парламенте и правительстве в Великобритании. Долгое время в этой стране женщины поддерживали на выборах в парламент преимущественно консервативную партию, считаясь ее "секретным оружием". Они составляют половину ее членов и весьма активны в местных организациях. Однако руководство на 100% оставалось в руках мужчин, пока она первой среди других британских партий не избрала на пост своего лидера М. Тэтчер. Это произошло в 1975 году, объявленном ООН Годом женщины, и совпало с подъемом женского движения в самой Британии, где в том же году был принят закон о запрете дискриминации по признаку пола. Хотя Тэтчер никогда не была феминисткой и не ставила своей задачей в период пребывания у власти защиту специальных женских интересов, ее избрание было знамением времени. Оно сделало многое для разоблачения в Британии (да и не только в ней) устоявшегося мифа о неполноценности женщин в политике. В своей риторике Тэтчер отдавала дань необходимости выдвигать больше женщин на руководящие посты, но за 11-летний период своего премьерства она не ввела ни одной женщины в кабинет министров Британии.

В 1990-е годы, уже после выхода Тэтчер в отставку, среди руководителей консервативной партии выросло понимание того, что в свете радикальных перемен в положении женщин они больше не могут принимать их поддержку за раз и навсегда данную. Партия стала чаще прибегать к различного рода декларациям и позитивным действиям в пользу женщин. Возглавлявший правительство в 1991-1997 годах Дж. Мейджор включил двух женщин в свой кабинет. После всеобщих парламентских выборов 1992 года председатель партии Н. Фаулер призвал выдвинуть на следующих выборах по крайней мере 100 женщин кандидатами в члены парламента от консерваторов. Заметим, что эта цель не была достигнута: в 1997 году было выдвинуто лишь 67 женщин, что составило 10,3% от общего числа

кандидатов-консерваторов [6]. Меры позитивной дискриминации в виде официальных квот консервативная партия все еще отвергает, так как они расходятся с ее основополагающей установкой на роль личных заслуг для политической карьеры.

А лейбористская партия Великобритании (ЛПВ), находящаяся в оппозиции на протяжении 18 лет (с 1979-го по 1997 год), взяла на вооружение квотирование как средство не только увеличить долю женского участия во власти, но и поднять свои акции среди избирательниц. Она полностью изменила свой "мужской" облик, связанный со значительным весом в ее рядах профсоюзов, в членстве и руководстве которых в прошлом преобладали мужчины. Принятие ЛПВ в конце 1980-х - первой половине 1990-х годов широкой программы гендерных квот шло в русле призывов женской секции Социалистического Интернационала к входящим в него партиям использовать квоты как средство для увеличения представительства женщин. В том же направлении - форсирования гендерного равенства - действовали директивы Совета Европейского Союза. Британские профсоюзы, структура членства которых менялась в связи с массовым притоком женщин в наемную силу, зачастую шли впереди партии по применению квот. Переходу ЛПВ к поддержке позитивной дискриминации способствовало также влияние феминисток, которые с начала 1980-х годов

в массовом порядке вступали в партию и вели в ее рядах соответствующую агитацию.

Впервые квоты были одобрены "в принципе" на ежегодной конференции ЛПВ в 1989 году. Конференция проголосовала также за предложенную левой группировкой "Трибюн" квоту, которая требовала, чтобы все члены лейбористской парламентской фракции при выборах теневого кабинета - оппозиционного аналога действующего кабинета министров - отдавали свои голоса по крайней мере за трех женщин. В противном случае их бюллетени считались недействительными. Численность теневого кабинета была увеличена с 15

до 18 министров, чтобы не было "обиженных" мужчин. Через год программа квот была конкретизирована: установлен примерный 40%-ный минимальный уровень присутствия женщин

во всех избираемых органах партии, провозглашена установка на поэтапное доведение - в ходе трех парламентских выборов - доли женщин в парламентской фракции до 50%.

Ежегодная конференция в 1991 году поддержала изменения в уставе ЛПВ, предусматривавшие введение ряда внутрипартийных квот. Одна из них требовала довести к 1995 году число женщин в исполнительном комитете партии до 40% (12 женщин при 18 мужчинах) с обещанием роста женского участия; вторая - выдвигать примерно равное число женщин и мужчин делегатами от местных организаций на региональные и общенациональные конференции; третья - предоставить женщинам половину мест в руководстве местными организациями [7, с. 5].

Наиболее сложной и дискуссионной проблемой оказалось выполнение установки на выравнивание позиций полов в парламентской фракции. Специфический механизм, избранный для этого ЛПВ, состоит в регулировании процесса выдвижения кандидатов в члены парламента, которое осуществляется на уровне местных партийных организаций. Поскольку в Британии функционирует мажоритарная избирательная система, в каждом из 659 округов от каждой партии предлагается только один кандидат. Серьезным препятствием для избрания женщин в члены парламента является их выдвижение партиями от "ненадежных" округов, где они не имеют шансов быть избранными. Чтобы исправить эту ситуацию, ЛПВ в 1993 году приняла решение об обязательности выдвижения женских кандидатур в половине наиболее "надежных" для нее округов, а также в половине тех округов, где уже избранные лейбористские члены парламента по тем или иным причинам более не баллотировались. В качестве гарантии реализации этой политики было предложено в намеренных округах осуществлять окончательный отбор кандидата в члены парламента на основе короткого списка, состоящего из одних женских имен.

Принятие ЛПВ стратегии позитивной дискриминации столкнулось с критикой и враждебностью со стороны некоторой части лейбористов-мужчин, включая членов парламента. Да и среди женщин степень поддержки этой политики была различной. Супруга одного из членов парламента организовала группу противников гендерных квот под названием "Лейбористские сторонники подлинного равенства". Но группа была малочисленной. Не во всех местных отделениях ЛПВ, где планировалось составление чисто женских коротких списков, согласие достигалось легко. На стадии формирования больших первоначальных списков всегда находились достойные кандидаты-мужчины, для которых следующие всеобщие выборы были последней надеждой пройти в парламента. Известен случай, когда руководству ЛПВ пришлось оказать давление на одну из своих местных организаций, где согласие по поводу женского короткого списка так и не было достигнуто. Однако в целом политика лейбористского руководства, направленная на продвижение женщин на позиции

власти внутри партии и вне ее, была встречена с энтузиазмом. Расширение гендерной демократии было частью общего процесса модернизации и демократизации партии, который в конечном счете привел ее к крупномасштабной победе над консерваторами. При обсуждении и проведении в жизнь гендерных квот происходили перемены в политической культуре самой лейбористской партии, которая училась воспринимать женщин на руководящих постах как обычную практику и была даже поражена "высоким качеством" предлагаемых женских кандидатур.

Все же стратегия женских коротких списков оказалась кратковременной. Вскоре после того как 35 женщин были выдвинуты кандидатами в члены парламента на основе списков, имел место неприятный для ЛПВ инцидент. Двое мужчин, претендовавших на выдвижение своих кандидатур в занятых женщинами округах, обратились в Промышленный трибунал города Лидса с жалобой на то, что они стали жертвами дискриминации по признаку пола. Они видели нарушение закона в ущемлении их права заниматься определенным видом профессиональной деятельности - в данном случае быть парламентариями. 8 января 1996 года Промышленный трибунал принял решение в пользу истцов-мужчин, заявив, что использование на этапе отбора кандидатур чисто женских коротких списков противоречит Закону о дискриминации по признаку пола. В преддверии предстоявших немногим более чем через год всеобщих парламентских выборов исполком ЛПВ в тактических целях единогласно решил не оспаривать приговор суда.

Тем не менее применение позитивной дискриминации в выигрышных для ЛПВ округах оказалось весьма успешным. Все 35 женщин, отобранных таким образом, стали членами парламента. Всего же к всеобщим парламентским выборам в мае 1997 года было выдвинуто рекордное число - 158 женщин, что составляло 24,6% от общего количества лейбористских кандидатов. Из них депутатами палаты общин стала 101 (24,2% лейбористской фракции). Консерваторам удалось провести только 13 женщин, либеральным демократам - 3, хотя последние и выдвинули 122 женских кандидатуры. Всего в новом составе британского парламента оказалось 120 женщин (18,2% всех депутатов), что открывает новую страницу в его многовековой истории [7, с. 7]. В палате общин была достигнута "критическая масса" женщин (более 15%) - уровень, который западные феминистки считают благоприятным для того, чтобы женщины-депутаты могли оказывать реальное влияние на повестку дня и принимаемые решения, в том числе в гендерных аспектах. Прорыв британских женщин в законодательный институт имел место на фоне общей триумфальной победы ЛПВ в 1997 году. Это были первые всеобщие выборы, на которых женщины, особенно молодые, чаще голосовали за лейбористов, чем за консерваторов. ЛПВ изменила свой имидж "наиболее мужской" партии в стране на имидж партии, более других учитывающей в своей политике интересы женщин.

В новом кабинете лидер ЛПВ Т. Блэр назначил женщин на пять важных министерских постов и еще 18 женщин получили посты младших министров в более широком составе правительства. Правда, Блэр не выполнил обещания создать специальное министерство по делам женщин. Общая ответственность за дела женщин возложена на младшего министра по делам женщин, которым стала Д. Рудок. О возросшем политическом авторитете британских женщин говорит тот факт, что в апреле 1992 года на пост спикера палаты общин впервые была избрана женщина - Б. Бутройд, которую с воодушевлением переизбрали на этот пост и депутаты, прошедшие в парламент на выборах 1997 года. За время пребывания спикером Бутройд присуждались почетные звания "Парламентарий года", "Личность года" и другие. Ежегодная конференция ЛПВ в октябре 1998 года впервые избрала женщину - М. Макдонаг - на важный пост генерального секретаря. Первой женщиной лидером палаты лордов стала М. Джей.

В Британии в отличие от многих других западноевропейских стран вопрос о "справедливости" или "несправедливости" применения позитивной дискриминации в пользу женщин при выдвижении кандидатов в депутаты остается открытым. Дискуссии вокруг него, к которым подключилась авторитетная Комиссия равных возможностей, продолжаются. Не случайно, что наиболее острая политическая борьба развернулась именно вокруг применения гендерных квот при отборе кандидатов в члены британского парламента, который долгое время оставался незыблемым оплотом мужской власти. Внутрипартийные гендерные квоты, используемые лейбористами и либеральными демократами, уже ни у кого не вызывают сомнения, хотя на первоначальном этапе они также вызывали дискуссии. Тем не менее мало что из лейбористов выступает в настоящее время за возврат к запрещенной судом практике коротких списков из одних женских имен. Она оценивается как необходимый, но уже пройденный этап в гендерной политике ЛПВ. Наиболее решительно на-

строенные феминистки требуют от лейбористского правительства Т. Блэра принятия законодательного положения, которое разрешало бы использование в той или иной форме позитивной дискриминации для того, чтобы женщины действительно имели равные возможности быть избранными в высший законодательный орган.

Интерес к гендерным квотам как средству регулирования соотношения полов в законодательных органах возрос в Британии в связи с подготовкой к выборам 1999 года в Европейский парламент, шотландский парламент и уэльскую ассамблею. В январе 1998 года исполком лейбористской партии Великобритании вслед за исполкомами шотландского и уэльского отделений партии принял решение о введении местными организациями в Шотландии и Уэльсе на этапе отбора кандидатов практики попарного объединения более или менее адекватных друг другу по условиям округов, с тем чтобы от каждой пары обязательно выдвигались кандидатами мужчина и женщина. Последние должны решать между собой, от какого округа выступать на выборах каждому из них. Предполагалось, что результатом попарного объединения округов должно явиться избрание примерно равного количества мужчин и женщин в соответствующие законодательные органы.

Система выборов в Европейский парламент в Великобритании строится на принципе пропорционального представительства, который в частичном виде применен также и на выборах в шотландский парламент и уэльскую ассамблею. К выборам 1999 года в парламент ЕС 6 из 11 центральных избирательных списков ЛПВ возглавлялись женщинами. Всего женщины составили более 40% выдвинутых кандидатов от лейбористской партии. Либеральные демократы на ежегодной конференции 1997 года приняли решение составлять центральные избирательные списки к выборам в парламент ЕС по принципу "чередования" мужских и женских имен, что предполагает выдвижение 50% кандидатов каждого пола.

Опросы, проведенные среди женщин, избранных депутатами британского парламента в 1997 году, показывают, что в зависимости от принадлежности к консервативной или лейбористской фракции они дают разное объяснение причин, мешающих женщинам быть

на равных с мужчинами в высшем законодательном органе. Что касается женщин-консерваторов, то многие из них вообще не видят необходимости увеличивать число женщин на парламентских скамьях; во всяком случае противопоставляют методы избрания по способностям, профессиональной пригодности методам избрания по квотам. Некоторые даже утверждали, что избранные по квотам депутаты-лейбористки окажутся маргиналами

в палате общин. Однако практика показала, что появление в парламенте "женщин по квотам" было встречено с той же степенью одобрения, как и других участниц почти втрое выросшей по сравнению с прошлым парламентом лейбористской женской группы.

Почти все женщины-депутаты от консервативной партии ссылались на такую причину низкого уровня участия женщин в процессе управления, как предпочтение семьи политике. Среди женщин-депутатов лейбористов доля согласных с этим утверждением также велика - 58%. Однако большинство из них - 77% - убеждены, что основная причина кроется в недемократической практике отборочных комитетов в местных организациях. Женщины-депутаты консерваторы со своей стороны признают эту причину, но ставят ее ниже, чем предпочтение, отдаваемое семье [8, с. 208].

Активные сторонники равноправия в ЛПВ оказывают давление на исполком с целью побудить его реформировать действующую процедуру отбора парламентских кандидатов. Если со стороны некоторых местных организаций и противников гендерного равенства проявляется тенденция представить любые попытки произвести перемены на стадии отбора кандидатов как наступление на демократию, то сторонники перемен выдвигают аргументы, согласно которым отборочные комитеты в их нынешней форме - это узкие закрытые группы местных лидеров, присвоивших себе монополию на подбор кандидатов. По словам известной лейбористской феминистки К. Шорт, "...правда заключается в том, что процедура политического отбора не является чистой демократией... Неправильно говорить, что существующие механизмы священны и что любая перемена будет каким-то образом недемократична" [8, с. 199].

В целом рассмотрение опыта решения проблемы представительства женщин во властных структурах в западноевропейских странах на протяжении двух-трех последних десятилетий показывает, что эффективным механизмом для этого являются гендерные квоты. Необходимость их применения была вызвана тем, что одного только провозглашения или даже законодательного оформления принципа равных возможностей для обоих полов оказывалось недостаточным, чтобы преодолеть исторически сложившиеся барьеры для женского участия во власти, которые глубоко укоренились в гражданских и политических институтах общества, в его идеологии и общественных настроениях.

Важным фактором, способствовавшим принятию политическими партиями гендерных квот, был отказ феминисток от прежней изоляционистской позиции, их присоединение к основному потоку политической жизни. Вступив в уже сложившиеся политические партии, приняв их уставы и программные положения, феминистки использовали партии как платформу для пропаганды и продвижения требований о расширении прав женщин, в том числе политических. Характерно, что в своей кампании за равноправие они не противопоставляли себя мужчинам, а старались действовать в атмосфере партнерства и согласия с ними. Хотя обсуждение партиями политики гендерных квот сопровождалось дискуссиями, в конечном счете они принимались с одобрения большинства.

К наиболее впечатляющим результатам привело использование гендерных квот в скандинавских странах, где они стали составной частью не только партийной, но и государственной политики. Успешной интеграции скандинавских женщин в политическую власть способствовало их освобождение от финансовой и психологической зависимости в семье. Высокий уровень доходов обоих партнеров по браку, развитая система социальных услуг, щедрая государственная поддержка материнства, более равномерное по взаимному договору распределение обязанностей в семье - все это создавало материальную и моральную базу для активизации участия женщин в процессе управления. Очевидно, что и для других стран важно создать условия, при которых можно было бы безболезненно совмещать семейные обязанности, продолжающие занимать приоритетное место в шкале ценностей женщин, с участием в руководящей политической работе.

Несколько позднее, чем скандинавские, но также с реальными достижениями в увеличении политического представительства женщин вступили на путь использования квот многие другие западноевропейские страны. Причем принадлежность к Европейскому Союзу способствовала акселерации этого процесса. Однако большинство стран Западной Европы продолжает идти позади скандинавских по масштабам применения квот и по уровню участия женщин во властных структурах. Пример лейбористской партии Великобритании свидетельствует, что процессу распространения гендерных квот с уровня внутрипартийных процедур на уровень выдвижения кандидатов в депутаты в высший законодательный орган страны может быть положен предел решением судебных органов. Однако судебный запрет не мог задержать победного шествия британских лейбористок в парламент, так как гендерные квоты были лишь одним из факторов, способствовавших этому.

Таким образом, можно сказать, что гендерные квоты - это апробированный и популярный среди левых и центристских партий механизм, помогающий женщинам пользоваться равными возможностями с мужчинами в политической жизни. Однако квоты - это не панацея, а средство, которое хорошо работает только в комплексе с другими средствами и при наличии в обществе целого ряда условий, необходимых для продвижения женщин наверх и их реального, а не формального участия во власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кочкина Е.В.* Женщины в российских органах власти // *Общественные науки и современность*. 1999. № 1.
2. *Baltic Sea Women's Conference. Documentation.* Kiel, 1998.
3. *Women Transforming Politics: Worldwide Strategies for Empowerment.* Bloomington and Indianapolis, 1992. P. 14.
4. *Gender and Party Politics.* London, 1993.
5. *Politics and Society.* March 1998. P. 81.
6. *Parliamentary Affairs.* October 1997. P. 709.
7. *Eagle M., Lovenduski J.* *High Time or Hide Tide?* London, 1998.
8. *McDougall L.* *Westminster Women.* London, 1998.

© Н. Степанова, 1999